

ЭО, 2012 г., № 1

© И.Ю. Заринов. Рец. на: *Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии* / Науч. ред. А.В. Черных. СПб.: Маматов, 2009. 304 с., ил.

В последние четверть века мировая польская диаспора стала объектом пристального внимания со стороны не только польских ученых (эта тематика традиционно входит в круг их исследований), но и специалистов тех стран, в которых существует польская диаспора.

Рецензируемая книга отражает результаты историко-этнографического исследования одного из анклавов польской диаспоры России, проведенного группой ученых Пермского края. По признанию авторов этой коллективной монографии, поляки, как и другие этнодисперсные группы Пермского края (немцы, евреи, белорусы, эстонцы, цыгане, чувашаи), представляют собой важный объект исследования с точки зрения их взаимодействия со старожильским населением региона. Они, "...в отличие от современных мигрантов, в исторической перспективе достаточно давно освоили Пермский край, прошли процессы адаптации и аккультурации" (с. 7), тем самым повлияв, добавим от себя, на современную этнокультурную ситуацию этого региона. Однако, по мнению авторов монографии, в отличие от других его неавтохтонных этнических общностей, "...поляки – один из немногих народов Прикамья, который, хотя и активно осваивал Перм-

ское Прикамье в XIX–XX вв., не создал компактные этноареальные группы и в большей степени был представлен городским населением" (с. 8). Здесь позволительно указать на одну неточность: поляков в России (в том числе в означенном выше регионе), как в других странах (кроме самой Польши), вряд ли можно квалифицировать как народ. В научной практике последних лет появился термин "диаспора", который наиболее точно определяет статус этнических групп, проживающих за пределами своей национальной территории (государства). Хотя поляками мы вправе называть и тех, кто является основным населением Польши, и тех, кто по различным причинам и в разные времена эмигрировал из нее и проживает в других странах. Проблема, правда, состоит в том, в какой мере эти люди остаются поляками в окружении иной этнонациональной среды, по определению изменяющей изначальную польскость. Это изменение есть результат историко-культурной судьбы поляков, оказывавшихся в течение длительного времени волею личных обстоятельств за пределами Польши, что и демонстрируется авторами рецензируемой коллективной монографии в ее первой главе "Поляки в Прикамье в XIX – начале XX в."

Здесь довольно скрупулезно рассматриваются такие темы, как иммиграционные волны поляков в Россию, и в частности на Урал, в течение более чем столетия. В большинстве своем это были ссыльные – как из самой Польши (в результате третьего раздела Речи Посполитой, произошедшего в конце XVIII в., и двух антироссийских восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.), так и переселившиеся из западных регионов России (Западной Украины, Западной Белоруссии и прибалтийских территорий). Будучи преимущественно городским населением, поляки в исследуемом регионе (как, кстати, и в других частях России) довольно высоко стояли на социальной лестнице. Это были техники и другие работники железных дорог, учителя, врачи, офицеры военных гарнизонов, государственные служащие. Последним посвящен целый раздел монографии, в котором наряду с ценными материалами содержится ряд досадных неточностей. В составе Пермской губернии вместе с Соликамском почему-то оказались города Казань и Рыбинск (с. 48). Неубедительным выглядит и вывод о том, что переход поляков в православие

Игорь Юрьевич Заринов – к. и. н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: izarinov@yandex.ru

объясняется личными целями, в том числе карьерными (Там же), при этом не упоминается процесс аккультурации и ассимиляции.

Бросается в глаза и противоречие в следующем разделе, посвященном истории польского анклава в Перми во второй половине XIX в. Констатируется высокая степень образованности поляков и отмечается преимущество в этом женщин (87% против 80% у мужчин). Через несколько строк читаем следующее: “В Перми женщин, знавших русскую грамоту, было меньше, чем мужчин...” (с. 55). Трюизмом является одна из фраз, заключающих данный раздел: “В течение второй половины XIX в. поляки смогли освоиться в Перми и обеспечить себе комфортные условия жизни, не в последнюю очередь – благодаря своему материальному положению” (с. 63).

Католической общине города Перми, в которой поляки составляли большинство, в разделе посвящается неполных четыре страницы, тогда как из практики изучения польских диаспор известно, что для их фиксации и длительного сохранения в них польской идентичности профессиональность имеет первостепенное значение. Данный раздел содержит мало что иллюстрирующие частности, такие, например, как маршрут разъездов католического священника по Пермской губернии. При этом не берется во внимание заголовок раздела, анонсировавший исследование католической общины не во всей губернии, а только в городе Перми.

Столь же переполнены частностями, почти ничего не говорящими об этнической истории поляков Пермского края, и разделы, озаглавленные “Поляки в истории уездных городов Прикамья” и “Поляки в истории заводских и сельских поселений”.

Зато весьма основательным с точки зрения демографии поляков в исследуемом регионе является раздел “Поляки Прикамья в материалах Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.”. Важной информацией относительно общей численности поляков в исследуемом регионе (1980 человек) следует признать замечание, что “...основную часть польского населения составляли те, кто добровольно приехал в Пермскую губернию” (с. 82), поскольку бытует мнение об исключительно насильственном переселении представителей этого народа с запада на восток.

Советскому периоду истории поляков Прикамья посвящена вторая глава книги, состоящая из разделов, построенных по хронологическому принципу. Среди них наиболее важными с точки зрения кардинальных изменений в исторической судьбе поляков СССР можно признать разделы “Поляки в спецссылке в Прикамье в 1929–1936 гг.” и “Вторая мировая война в судьбах поляков”. Ценными в этноисторическом смысле являются материалы, представляющие собой живые свидетельства людей, повествующих о тяжелейших годах репрессий, которые они испытали только по причине этнической принадлежности. Тексты этих воспоминаний сопровождаются такими данными, как названия спецпоселков в Пермской обл. (ныне край), в которых жили раскулаченные поляки, список поляков, уволенных с завода им. Сталина, оперативный приказ наркома внутренних дел СССР Ежова о ликвидации местных польских организаций, смертность польских спецпереселенцев в годы Второй мировой войны.

Если говорить о содержании второй главы в целом, то следует отметить, что ее авторы более всего акцентируют внимание на репрессиях лиц польского происхождения в Пермском регионе – в ущерб этнокультурным трансформациям, по определению имевшим здесь место в этот период в результате процессов аккультурации и ассимиляции.

Отчасти этот пробел восполняется в двух следующих главах книги – третьей (“Современные этнокультурные процессы”) и четвертой (“Польские встречи”). Однако уже в начале главы, посвященной нынешнему состоянию польской идентичности в исследуемом регионе, читатель встречает явные смысловые противоречия. Например, авторами заявляется, что представители польской диаспоры в Пермском крае “в результате процессов аккультурации и ассимиляции или браков с представителями других этнических сообществ утратили признаки польской этничности и, как правило, осознают свою принадлежность к другому народу” (с. 188). В одном же из примеров, призванных подтвердить этот тезис, приводится следующее свидетельство информанта: “А отец, поскольку он родился в Воронеже, то его крестили в русской церкви. Но в 14 лет он был крещен в католическом храме. Он сам. И кто вот он? Не католик, не православный – неизвестно кто. Ну, а я выросла в православной семье, считаю себя русской, с польскими корнями” (с. 188–189). Из этих признаний понятно, что данный индивид является типичным примером двойного (неустойчивого) этнического самосознания, так часто встречающегося на определенном этапе процесса аккультурации.

Совершенно двусмысленной выглядит цитата из статьи Т.Ф. Аносовой, определяющей диаспору как оптимальную форму адаптации мигрантов, с которой, судя по контексту, солидаризируются авторы рецензируемой книги. Приведем лишь начало этой цитаты, в котором, собственно, и содержится очевидное противоречие: “Диаспора – это не часть одного народа, живущего среди другого, а такая этническая общность, которая имеет, сохраняет, поддерживает и развивает такие отличительные черты национальной самобытной культуры, как язык, культура, сознание” (Аносова 2005). Вопрос первый: почему не часть? Как раз диаспора – это часть народа, выделившаяся в результате внутренней или внешней миграции. Вопрос второй: почему часть народа противопоставляется этнической общности? Этническая общность – это и народ и его часть, оказавшаяся за пределами национальной (государственной) территории. Именно из этой части формируется диаспора, как этнокультурный и этнополитический феномен внутри страны-реципиента. Что касается таблиц, приведенных в одном из разделов третьей главы и показывающих численность лиц польского происхождения в районах Пермского обл. по переписи населения России 2002 г., то из них мало что можно почерпнуть при оценке нынешнего этнокультурного состояния лиц польского происхождения в Пермском крае.

Языковой ситуации среди поляков исследуемого региона авторы книги уделяют не много места. Видно, что специальные лингвистические исследования среди лиц польского происхождения не проводились. Авторы монографии ограничились данными переписи населения СССР 1989 г. и высказываниями нескольких информантов. Отсюда и весьма расплывчатый вывод относительно языковой ситуации среди представителей польского анклава: “Определяющими при характере функционирования родного языка в регионе были несколько факторов: дисперсность расселения и необходимость контактов с окружающим этнокультурным сообществом; языковое родство, способствующее быстрому усвоению норм русского языка; отсутствие системы образования на родном языке” (с. 201). И ничего не говорится о постоянно возрастающей тенденции интенсификации процесса обучения польскому языку, инициированного Польшей. Широко известным является факт открытия в различных регионах бывшего СССР, где компактно проживают группы людей польского происхождения, курсов польского языка с привлечением учителей из Польши.

Слишком общими выглядят и выводы относительно религиозно-конфессиональной ситуации в среде тех, кто так или иначе идентифицирует себя с польскостью. Дело в том, что эта ситуация за последнее время изменилась в сторону ревитализации католицизма в среде всей польской диаспоры в России и требует дополнительного полевого исследования, поскольку авторы книги оперируют данными двадцатилетней давности. Именно в русле нового издания католицизма в современной польско-российской среде происходит процесс прозелитизма в современной России.

При рассмотрении некоторых сохранившихся до сих пор элементов польской этнической культуры (материальной и духовной) авторы книги констатируют общеизвестную тенденцию, имеющую место в любой диаспоре: “...существенной проблемой польского сообщества является межпоколенная передача этнокультурных ценностей” (с. 213).

Институционализация – один из важнейших элементов становления и существования диаспоры. Именно этим можно объяснить довольно подробное описание истории и современного функционирования Пермского центра польской культуры, которое, по справедливому мнению авторов рецензируемой книги, наряду с главной задачей – возродить и поддержать польскую культуру в Пермском крае – ставит целью способствовать активному участию поляков “...в жизни многонационального пермского сообщества” (с. 219). С одной лишь оговоркой: пермское сообщество с этнографической точки зрения вряд ли можно квалифицировать как многонациональное. По всем правилам сегодняшних представлений о таких обществах их следует называть “мультикультурными” или “полиэтническими”.

Наиболее этнографическими в рецензируемой работе выглядят иллюстрации к ней и ее последняя, четвертая глава, что подтверждается в предисловии к самой главе: “содержание очерков (так названы разделы главы. – И.З.) – не события планетарного масштаба, а судьбы отдельных конкретных личностей, с которыми мы встречались во время этнографических исследований” (с. 223). Названия этих очерков сами говорят за себя: “Пуговица с дедова мундира”, “Портрет деда”, “Польские письма”, “Военные дневники Николая Бунды”, “Мы везде дома”.

Оценивая книгу в целом, можно сделать следующие выводы.

Первое. Авторы коллективной монографии проделали большую работу, исследовав историю (к сожалению, этнической ее назвать трудно) и современное этнокультурное состояние одного из анклавов польской диаспоры в России.

Второе. Наряду с очевидными достоинствами книги в ней содержатся ряд смысловых и стилистических недочетов (текст вычитан недостаточно скрупулезно). Чтобы особенно не акцентировать внимание на этом, можно привести лишь один пример. Нынешних жителей польского происхождения исследованного региона вряд ли можно называть поляками в полном смысле этого слова, а именно так они предстают во всем тексте книги. Поляками были их предки, и то не все, а только те, кто мигрировал в Пермский регион непосредственно с собственно польских территорий. Переселившиеся же из западных частей Украины, Белоруссии и Прибалтики (чаще всего, правда, не по своей воле) поляками были в разной степени, потому что уже были интегрированы в культуры данных регионов.

И последнее. Работы, посвященные этническим меньшинствам современной России, заставляют автора данной рецензии высказать свою экспертную точку зрения о направлении государственной политики в отношении этих меньшинств. Будущая российская этнонациональная политика должна строиться на быстром реагировании в отношении любой из назревающих проблем, быть гибкой, учитывать изменчивость общественного развития. Для проведения в жизнь такой политики необходима постоянная взаимодействующая связь людей, обладающих реальной политической властью и волей, с научной средой, состоящей из широкого круга профессиональных экспертов по этнонациональной проблематике.

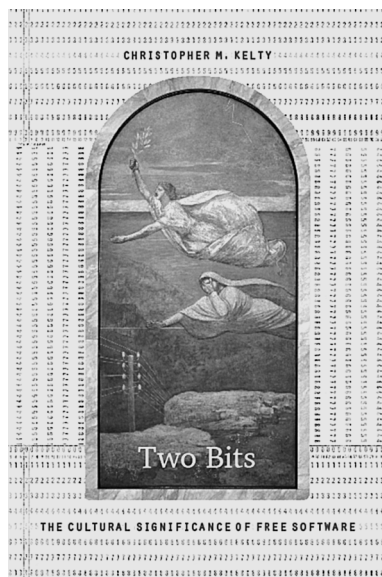
Литература

Аносова 2005 – Аносова Т.Ф. Диаспора – оптимальная форма адаптации мигрантов // Вестник Челябинск. ун-та. Сер. 7. Гос. и муницип. упр. Челябинск, 2005. № 1. С. 60–68.

ЭО, 2012, № 1

© Н.В. Богатырь. Рец. на: *Christopher M. Kely. Two Bits: The Cultural Significance of Free Software*. Durham, London: Duke University Press, 2008. 378 p.

Книга Кристофера Келти – это пример необычной антропологии. Едва скользнув взглядом по названию этой книги, вы, пожалуй, решите, что она – об информации¹, добравшись до подзаголовка, поймете, что она – о программном обеспечении. Довольно странно, правда? Это потому, что Келти² – представитель молодого направления дисциплины, так называемой STS-антропологии, которая исследует современные технологии и науку. Очевидно, что ее “объекты” не очень традиционны, хотя порой сложно удержаться от соблазна взглянуть сквозь старые дисциплинарные очки и увидеть “культуру” (научной лаборатории, Интернета или, скажем, хакеров). Именно хакеры должны были стать героями Келти. Он начал проект в 1999 году, собираясь исследовать культуру гиков (geeks)³ – парней, которые коллективно создавали в Интернете нечто, что называли “свободным программным обеспечением” (СПО). Но по мере того, как Келти все глубже погружался в изучаемый мир, фокус исследования изменился. Книга получилась не о “культуре”, а о практиках и смыслах, которые ежедневно создают, изменяют и поддерживают

Наталья Викторовна Богатырь – соискатель Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: natalia_bogatyrt@yahoo.com.